

Сергей Патрушев

**ЛОХ ВОПЛОТИ**

Сергей Патрушев

**Лох воплоти**

«Автор»

2026

## **Патрушев С.**

Лох воплоти / С. Патрушев — «Автор», 2026

Валера — тот самый парень, который вечно падает, всё роняет и забывает купить кефир. У него нет ни ума, ни ловкости, ни особой привлекательности — но есть необъяснимая харизма, заставляющая всех девушек вокруг влюбляться в него с первого взгляда. Лера — вице-директор крупной компании, привыкшая всё контролировать и никому не верить. Их встреча происходит самым нелепым образом: Валера умудряется вляпаться в цемент прямо перед её машиной. Казалось бы, что может быть общего у железной леди и неуклюжего парня с батоном под мышкой? Но именно с этого дня их жизни начинают меняться. Потому что настоящая любовь не ищет идеальных людей — она находит тех, кто готов быть собой. Даже если это значит стоять по щиколотку в цементе и улыбаться. Эта история о том, как один "лох" воплотил в жизнь самое главное чудо — умение любить и быть любимым просто за то, что ты есть.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

# Сергей Патрушев

## Лох воплоти

Глава первая. Валера не планировал спасти мир, но мир, кажется, имел на него другие планы

Валера вышел из подъезда, чувствуя себя боевым крейсером, который только что успешно пришвартовался к мусорному баку. На самом деле он просто споткнулся о порожек, снёс плечом чахлый куст сирени и, описав замысловатую дугу, приземлился прямо в кучу песка, оставленную дворниками. Песок был мелкий, противный, и теперь он хрустел на зубах, перемешиваясь с остатками утреннего кофе, который Валера по привычке пил из кружки с надписью «Самый лучший начальник», хотя начальником он не был даже в своей собственной голове. Он поднялся, отряхивая колени, и с удивлением обнаружил, что его джинсы каким-то чудом остались целы, а на ладони красовалась длинная царапина, о происхождении которой он не имел ни малейшего понятия. Это было типичное утро Валеры. Его день всегда начинался с маленькой катастрофы, которая, по логике вещей, должна была бы служить предупреждением для всех окружающих, но почему-то служила им сигналом к действию совершенно иного рода.

Он был высок, нескладен, как цапля, перекормленная макаронами, и обладал той странной, необъяснимой харизмой, которая не имела ничего общего с интеллектом или ухоженностью. Взгляд у Валеры был немного рассеянным, словно он постоянно пытался вспомнить, куда положил ключи два года назад, а улыбка – кривоватой и какой-то по-детски беззащитной. Умом он действительно не блистал. В школе его любимая фраза была «а давайте спросим у кого-нибудь другого», в институте он как-то незаметно для себя прогулял высшую математику настолько основательно, что даже не помнил, как выглядит здание, где она преподавалась, а на работе, в офисе по продаже металлопроката, его единственной стратегией было искренне говорить клиентам: «Слушайте, я в этом дубе, давайте я вам начальника позову, он умный». Но начальник почему-то не злился, клиенты почему-то начинали улыбаться, а договоры подписывались с завидной регулярностью, причём сам Валера чаще всего подписывал их не там, где нужно, и это считалось забавной корпоративной традицией.

Сейчас он шёл по улице, чувствуя, как песок неприятно перетирается между пальцами ног внутри кроссовок, и пытался вспомнить, зачем он вообще выходил из дома. Мысль ускользала от него, как мокрая рыба, оставляя после себя лишь смутное ощущение, что это было что-то важное. Возможно, купить хлеба. Или, может быть, забрать заказ из пункта выдачи. Или, что более вероятно, просто выбраться из квартиры, потому что закончился чай, а пить воду из-под крана он опасался после того, как вчера случайно прочитал статью о бактериях, которую понял ровно настолько, чтобы запомнить слово «бактерии» и на всякий случай больше не пить воду из-под крана. Размышления прервал резкий звук тормозов, и Валера, вздрогнув, инстинктивно отшатнулся назад, наступив при этом ногой в ещё не засохшую цементную смесь, которую оставили строители, ремонтирующие тротуар.

Из припаркованной у обочины иномарки выпорхнула девушка. Она была высокой, с идеально уложенными светлыми волосами, в строгом деловом костюме, который сидел на ней так, словно его шили по обмерке лазерным лучом, и с таким выражением лица, которое обычно бывает у людей, привыкших, что мир не смеет им перечить. Она смотрела на Валеру. Валера смотрел на свою ногу в цементе. Повисла пауза, наполненная утренним шумом города и тихим хлопанием раствора, засасывающего кроссовку.

– Вы! – голос у девушки оказался низким, командным, с хрипотцой, которая обычно появляется от долгих переговоров или от чтения нотаций подчинённым. – Вы что, совсем не смотрите по сторонам? Я чуть не сбила вас на пешеходном переходе! У вас тормозов нет, что ли?

Валера медленно перевёл взгляд с цемента на девушку. Он не обиделся. Он вообще редко обижался, потому что для обиды нужно было сначала понять, что именно тебе сказали, а затем сопоставить это с правилами этикета, что требовало от его мозга слишком много ресурсов. Вместо этого он честно ответил на первый вопрос:

– Есть. Тормоза есть. Я просто задумался. Извините.

Он попытался вытащить ногу, но кроссовок предательски остался на месте, и Валера, потеряв равновесие, схватился за дверцу её машины, оставляя на идеально полированном чёрном боку грязный отпечаток ладони с царапиной. Девушка издала звук, похожий на удушливый всхлип праведного гнева, но прежде чем она успела разразиться тирадой о лакокрасочном покрытии немецкого автопрома, Валера посмотрел на неё своими глазами – большими, серыми, в которых не было ни капли хитрости, а была только та самая вселенская рассеянность и искреннее, почти собачье сожаление.

– Я сейчас, – сказал он деловито, хотя ничего делового в его тоне не было. – Я её отмою. У меня дома средство для стёкол есть. Или для посуды. Или... слушайте, а цемент с машины чем отмывают? Я вообще-то собирался за хлебом.

Он улыбнулся своей кривой улыбкой, и в этот момент подул ветер, растрепав его и без того нечёсанные русые волосы, а из его кармана, выдержав драматическую паузу, выпал просроченный талон на проезд в метро и засохшая вафля в обёртке. Девушка, которую звали Лера, а в миру – вице-директором крупной логистической компании, почувствовала, как её идеально выстроенный мир даёт трещину. В ней боролись два чувства: бешенство от того, что какой-то неопрятный тип только что испортил её утро, и нечто совершенно новое, иррациональное, похожее на желание взять этого неуклюжего великовозрастного ребенка за руку и отвести домой, предварительно накормив нормальным завтраком, а не сухими вафлями из недр кармана.

– За хлебом, – повторила она механически, теряя нить собственного возмущения. – Вы в цементе стоите. И машину мою... Вам не кажется, что вам вообще лучше не выходить из дома сегодня?

Валера серьёзно задумался над этим предложением, наклонив голову к плечу.

– Вообще, да. Мысль здравая. Но хлеб-то нужен. И ещё, кажется, я обещал маме позвонить. Она переживает. А у меня зарядка села, я и забыл.

Он сказал это с такой интонацией, будто делился сокровенной тайной, делая свою собеседницу соучастницей его маленьких, трогательных неурядиц. Лера, вице-директор, которая увольняла людей с каменным лицом и выигрывала тендеры на миллионы, вдруг почувствовала, как её губы непроизвольно складываются в улыбку. Она сделала шаг навстречу, сама не понимая зачем, и, достав из бардачка влажные салфетки, протянула ему.

– Держите. Хоть ладони вытрите, прежде чем к моей машине прикасаться.

Валера взял салфетки, их пальцы на секунду соприкоснулись, и Лера ощутила лёгкий разряд, не электрический, а какой-то внутренний, будто в груди что-то переключилось с режима «эффективность» на режим «нежность». Валера же просто подумал, что у девушки очень холодные руки и ей, наверное, стоит пить горячий чай, а не кофе в пластиковых стаканчиках, которые он часто видел в руках офисных сотрудников.

Пока он неуклюже вытирал свои огромные ладони, пытаясь не уронить пачку салфеток в лужу, Лера достала телефон и набрала номер. Через минуту из дверей офисного центра, стоящего напротив, выбежал запыхавшийся парень в униформе.

– Слушай, – сказала Лера тоном, не терпящим возражений, но с каким-то новым, странным оттенком в голосе, – помоги этому... молодому человеку. Вытащи его ногу из цемента. Отмой ему кроссовок, чем там можно, и вообще... проводи до пекарни. И проследи, чтобы он позвонил маме. У него села зарядка. Дай ему свой пауэрбанк.

Парень в униформе, которого звали Костя, уставился на начальницу с таким видом, будто она только что приказала ему накормить уличного голубя из своего личного столового серебра. Но спорить не посмел. Валера тем временем наконец справился с салфетками и, протягивая грязную пачку обратно, сказал:

– Спасибо большое. Вы очень добрая. А вы не подскажете, в какой пекарне самый свежий батон? А то я в той, где вчера брал, он какой-то чёрствый был с одного конца. Я подумал, может, у них там лампа перегорела или ещё что...

Лера смотрела на него, и в её голове, чётко структурированной и подчинённой бизнес-процессам, происходил сбой. Она знала, что в мире существуют мужчины-манипуляторы, альфа-самцы, карьеристы и просто адекватные люди. Но Валеру она не могла отнести ни к одной категории. Он был подобен стихийному бедствию – неуправляемому, разрушительному для её душевного покоя и при этом невероятно притягательному. Она открыла рот, чтобы ответить что-то про батон, но вместо этого услышала свой собственный голос, произносящий:

– Знаете что? Садитесь в машину. Я сама отвезу вас в нормальную пекарню. И маме позвоните с моего. А то вы, пока дойдёте, ещё в какой-нибудь колодец упадёте.

Валера, который уже почти смирился с мыслью, что его день будет посвящён борьбе с цементом, радостно кивнул, сделал шаг к машине и, разумеется, по пути зацепился ногой за ту самую злополучную ленту, которой строители оградили свежий раствор. Он рухнул бы прямо на капот, если бы Лера, повинувшись какому-то древнему материнскому инстинкту, не подхватила его под локоть. Он был тяжёлым, тёплым и пахло от него почему-то не потом и не дешёвым кофе, а свежим деревом и типографской краской – запахом, который Лера не встречала со школьных лет, когда носила в рюкзаке новые учебники.

– Ну что ж за человек, – выдохнула она, помогая ему удержать равновесие, и в этом выдохе не было ни капли злости. Было только какое-то странное, всепоглощающее умиление, от которого у неё самой закружилась голова.

Костя, оставшийся стоять с тряпкой для мытья машины в руке, проводил их взглядом и покачал головой. Он работал на Леру три года и никогда, ни разу не видел, чтобы она не только предлагала кому-то сесть в свой автомобиль, но даже улыбалась так – растерянно, по-девчоночьи, кусая губу, когда этот нелепый парень, усаживаясь на пассажирское сиденье, с грохотом уронил свою початую бутылку колы под ноги и принялся извиняться так искренне, будто совершил военное преступление.

Костя тяжело вздохнул, посмотрел на одинокий кроссовок Валеры, торчащий из серой цементной лужи, и понял, что теперь он, Костя, будет отмывать эту обувь, а потом бегать по офису в поисках её владельца, которого, судя по выражению лица начальницы, она просто так не отпустит. «Лох», – с неожиданной для самого себя теплотой подумал Костя, имея в виду вовсе не Валеру, а себя, потому что он-то точно никогда не умел так просто, походя, одним своим существованием заставлять мир крутиться вокруг себя, даже когда стоишь по щиколотку в цементе посреди оживлённой улицы.

Глава вторая. Валера приобретает хлеб, теряет бдительность и обретает нечто большее

Пекарня, в которую привезла Валеру Лера, оказалась не просто пекарней, а тем местом, где хлеб стоил как хороший ужин в ресторане, а воздух был настолько пропитан ароматом корицы и ванили, что хотелось дышать им, а не есть. Валера, впусив внутрь эту атмосферу, остановился на пороге и замер, раскрыв рот, как человек, впервые увидевший Эйфелеву башню. Стекланные витрины сияли, багеты лежали ровными рядами, напоминая скорее экспонаты музея современного искусства, чем предметы потребления, а девушка за прилавком в крахмальном фартуке улыбалась так лучезарно, что казалось, будто за её спиной сейчас распустанся крылья.

– Это... это пекарня? – спросил Валера шёпотом, обращаясь к Лере, которая стояла рядом и чувствовала себя так, будто привела в гости к своей уважаемой тётушке дикого, но милого лесного зверька. – Тут пахнет, как в моём детстве, когда бабушка пекла пирожки с капустой. Только тут ещё и кофе, наверное, очень дорогой.

Лера хотела сказать, что кофе здесь действительно дорогой, и что вообще она заезжает сюда только по большим праздникам, когда нужно купить презент для особо важных клиентов, но слова застряли в горле, потому что Валера уже подошёл к витрине и прижался носом к стеклу, оставляя на нём запотевшее пятно. Продавщица, которую звали Алиса, почему-то не сделала ему замечания. Вместо этого она наклонилась ближе, поправляя выбившуюся из причёски прядь русых волос, и спросила голосом, каким обычно спрашивают у потерявшихся детей, не хотят ли они молока с печеньем.

– Вы какой хлеб предпочитаете? – спросила Алиса, хотя обычно она предпочитала держаться с клиентами сдержанно и даже немного надменно, ведь хлеб здесь продавался не просто так, а с историей, с итальянской закваской и французским характером.

Валера задумался так глубоко, что, казалось, сейчас услышат, как скрипят шестерёнки в его голове. Он переводил взгляд с батона на батон, с батона на чабатту, потом снова на батон, и на его лице отражалась вся мука выбора, которая когда-либо терзала человечество.

– Понимаете, – начал он доверительно, понижая голос до шёпота, но такого, что его было слышно во всех углах крошечного помещения, – мне нужен батон. Просто батон. Такой, чтобы

сверху хрустел, а внутри был мягкий. Но чтобы если его нарезать, крошки не слишком много было, а то я вечно потом эту крошку по всей кухне собираю, а она прилипает к носкам, понимаете? А ещё вчерашний был какой-то неправильный, он с одного конца оказался чёрствый, я думал, может, это у них лампа перегорела, которая его греет, но потом понял, что в пекарне, наверное, нет ламп для хлеба, это я перепутал с супермаркетом. В супермаркете есть лампы. Они розовые. А здесь ламп нет, здесь, кажется, всё настоящее.

Алиса слушала эту тираду, и её профессиональная выдержка дала трещину. Она работала в пекарне три года и привыкла к придирчивым гурманам, которые рассуждали о влажности мякиша и кислотности закваски с видом профессоров дегустационного факультета. Но чтобы человек переживал из-за крошек на носках и путал хлебные витрины с лампами для обогрева цыплят – такое она слышала впервые. И это было до того искренне, до того по-человечески, что Алиса вдруг остро пожалела, что у них в ассортименте нет батона, который бы не крошился и не черствел с одного конца. Она чувствовала себя обязанной решить эту проблему, спасти этого нелепого парня от его кухонных трагедий.

– Знаете что, – сказала Алиса, порывисто выдвигая ящик кассы и доставая оттуда свежий, ещё тёплый батон, который она припрятала для себя на обед, – возьмите этот. Он только из печи. Он хрустящий, мягкий и... и если будет крошиться, то это будет самый вкусный крошка в вашей жизни. Обещаю.

Валера посмотрел на батон, потом на Алису, потом снова на батон, и его глаза наполнились такой благодарностью, словно ему только что вручили не хлеб, а орден за заслуги перед отечеством.

– Спасибо, – выдохнул он, протягивая руку с мятой купюрой, которую достал неизвестно откуда, вероятно, из того же кармана, где ранее обитала засохшая вафля. – Вы меня спасаете. Я без хлеба вообще не представляю свою жизнь. Я даже суп без хлеба не ем. А если гречка – то с хлебом обязательно. А вы знаете, что гречка с хлебом – это два хлеба? То есть один – это гречка, она как хлеб, а второй – это сам хлеб. Получается масло масляное, но вкусно же.

Алиса засмеялась. Смех у неё был звонкий, колокольчиковый, и он разлетелся по пекарне, заставив пожилую покупательницу, которая выбирала корзиночку с маком, обернуться и улыбнуться. Лера, стоявшая всё это время у входа, скрестив руки на груди и наблюдая за сценой, почувствовала, как внутри неё поднимается что-то тёплое и одновременно колючее. Она видела, как Алиса смотрит на Валеру – с каким-то материнским умилением и девичьим восторгом одновременно. Лера знала этот взгляд, потому что сама всего пятнадцать минут назад ловила себя на том же самом. И это знание было неприятным. Неприятным настолько, что ей захотелось подойти, взять Валеру за руку и вывести из пекарни, причём как можно быстрее, пока эта продавщица с колокольчиковым смехом не начала заворачивать ему в подарочную упаковку всё, что есть на витринах.

– Валера, – позвала Лера, стараясь, чтобы её голос звучал ровно и спокойно, но в нём прорезались командирские нотки, которые обычно заставляли подчинённых вытягиваться в струнку. – Ты выбрал хлеб? Тогда поехали. У меня через час встреча.

Валера обернулся, держа в руках драгоценный батон, и его лицо озарилось счастливой улыбкой.

– Да-да, спасибо большое! Я сейчас! – Он повернулся обратно к Алисе и добавил, понижая голос до конспиративного шёпота: – Вы знаете, это добрая фея, которая меня спасла из цемента. Она очень хорошая. У неё красивая машина. И она дала мне салфетки. Вы бы видели, что у меня было с руками. Ужас.

Алиса перевела взгляд на Леру, и в этом взгляде промелькнуло что-то, напоминающее вызов. Женщины посмотрели друг на друга, и между ними, прямо над тёплым батонном, проскочила искра не то взаимопонимания, не то негласного объявления войны. Лера поджала губы, Алиса улыбнулась ещё шире, а Валера, который, как обычно, ничего не заметил, принялся благодарить продавщицу так подробно и обстоятельно, словно прощался с лучшей подругой перед долгой разлукой.

Когда они наконец вышли на улицу, Валера прижимал батон к груди, как младенца, и вдыхал его аромат с таким блаженством, что у Леры сжалось сердце.

– Ты всегда такой? – спросила она, открывая дверь машины с ключа.

– Какой? – не понял Валера, усаживаясь на сиденье и бережно кладя батон на колени.

– Ну... такой. – Лера не нашла подходящего слова. Она хотела сказать «неуклюжий», «странный», «не от мира сего», но вместо этого вырвалось совсем другое: – Хороший.

Валера пожал плечами, от чего батон чуть не скатился на пол, и он ловко (что для него было редкостью) поймал его в последний момент.

– Не знаю. Я как все. Просто у меня иногда всё падает. И я забываю, что хотел сделать. И вот сейчас, например, я только что понял, что я же ещё и зарядку не купил. Для телефона. У меня же телефон сел. А мама звонила, я помню, что звонила, но не помню, что она говорила. Может, она хотела, чтобы я приехал. Или чтобы я купил ей кефир. Она любит кефир. А я без зарядки теперь как без рук. Ну, то есть руки у меня есть, вот они, – он продемонстрировал руки, чуть не выронив батон во второй раз, – а телефона нет.

Лера смотрела на него, и где-то глубоко в её деловом, прагматичном сердце происходил тектонический сдвиг. Она привыкла к мужчинам, которые просчитывали каждый шаг, взвешивали каждое слово, носили часы дороже её машины и смотрели на мир с холодной уверенностью хищников. Валера был полной противоположностью. Он был открытой книгой, но книга эта была написана на неизвестном языке детской непосредственности, где вместо сложных сюжетов были простые радости: свежий батон, звонок маме и чтобы крошки не прилипали к носкам. И этот язык, к её собственному ужасу, она начала понимать.

– Дай сюда свой телефон, – сказала она, протягивая руку.

– Он же сел, – растерялся Валера, но всё же полез в карман и извлёк на свет божий старенький смартфон в потрескавшемся силиконовом чехле с изображением кота, который держался лапами за ветку с подписью «Держись там!». Лера едва сдержала улыбку.

– В машине есть зарядка. И адаптер для твоего... кота. Пока доедем до твоего дома, он немного зарядится. Ты где живёшь?

Валера назвал адрес, и Лера, привыкшая передвигаться по городу с помощью навигатора и знавшая все пробки до секунды, мысленно нарисовала маршрут. Он жил на другом конце города, в старом районе с узкими улочками и дворами-колодцами. Ехать было минут сорок, если без пробок. А с пробками – час. Лера вдруг поняла, что совсем не против часа. Даже двух.

Они выехали на набережную, и Валера, который до этого смотрел в окно с видом путешественника, впервые увидевшего море, вдруг заговорил. Он говорил о том, что в детстве мечтал стать лётчиком, но потом испугался высоты, а когда понял, что испугался, ему стало стыдно, и он решил стать пожарным, но на дне открытых дверей в пожарной части ему стало душно от запаха дыма, и он понял, что пожарным ему не быть, потому что он будет путать шланги. Потом он хотел стать продавцом в магазине, где продают сладости, чтобы всегда можно было попробовать то, что продаёшь, но мама сказала, что так зубы можно испортить, и он пошёл учиться на менеджера, потому что там не надо было ничего пробовать, а надо было просто говорить с людьми. С людьми он говорить любил. Только иногда забывал, что именно нужно сказать, и тогда говорил правду, и это почему-то всегда работало.

Лера слушала, не перебивая, и ей казалось, что она читает книгу, от которой невозможно оторваться. Простую, наивную, но такую настоящую. Она уже забыла, когда в последний раз кто-то рассказывал ей о себе так открыто, без прикрас, без намёков на статус, доходы и перспективы. Она сама уже давно научилась говорить с людьми так, чтобы они не узнали о ней ничего лишнего. А этот парень, сидящий рядом с батоном на коленях и телефоном в чехле с котом, выложил ей свою жизнь за десять минут, и от этого не хотелось использовать информацию против него, а хотелось, наоборот, защитить его от всего мира.

– А ты? – спросил вдруг Валера, когда его рассказ иссяк, и он повернулся к Лере с любопытством, которое невозможно было подделать. – Ты кем работаешь? У тебя красивая машина. И одежда красивая. Ты, наверное, начальник. Я всегда думал, что начальники – это такие люди, которые знают, что делать. А ты знаешь? Что делать, я имею в виду.

Лера хотела ответить что-то формальное, как на собеседовании, но под его взглядом – чистым, серым, совершенно лишённым лести – все заготовленные фразы рассыпались.

– Я... да, я начальник, – призналась она, чувствуя себя так, будто снимает корсет, который носила слишком долго. – Я управляю людьми. И... я действительно знаю, что делать. В работе.

– А в жизни? – спросил Валера просто, без подвоха, но вопрос прозвучал как удар.

Лера замолчала. Она вела машину, смотрела на дорогу, и вдруг осознала, что на этот вопрос у неё нет ответа. В жизни она часто не знала, что делать. Она знала, как выиграть тендер, как наказать нерадивого сотрудника, как убедить инвестора вложить деньги. Но что делать с чувством пустоты по воскресным вечерам, когда офис пуст, а друзья, которых, как оказалось, у неё не так много, заняты своими семьями? Что делать с этим странным теплом, которое разливается в груди, когда какой-то нелепый парень, весь в цементной пыли, рассказывает ей о крошках от хлеба и испорченных зубах?

– В жизни я... учусь, – ответила она наконец, и это было, наверное, самое честное, что она сказала за последние несколько лет.

Валера кивнул с видом человека, который только что услышал глубокую философскую истину.

– Это правильно. Я тоже учусь. Вот сегодня, например, я узнал, что в пекарне нет ламп для хлеба. А ты знала, что в супермаркете они розовые? Я думал, они для тепла, а мне однажды сказали, что они для красоты, чтобы хлеб выглядел аппетитнее. Хотя он и так аппетитный. Зачем его обманывать? Он же не виноват, что он хлеб.

Лера расхохоталась. Она смеялась так, что у неё защипало в глазах, и ей пришлось притормозить на светофоре, чтобы не врезаться в едущую впереди машину. Она смеялась над лампами для хлеба, над серьёзным лицом Валеры, над собой, над своей идеальной жизнью, которая в одно утро рассыпалась под натиском этого цементного короля с просроченным талоном на метро. Она смеялась, и чувствовала себя живой. По-настоящему, впервые за очень долгое время.

Когда они подъехали к его дому – старой пятиэтажке с облупившейся краской и вечно открытой подъездной дверью, – Валера вышел из машины, держа батон под мышкой, и наклонился к окну.

– Спасибо вам огромное, – сказал он серьёзно, почти торжественно. – Вы меня спасли от цемента, накормили хлебом и зарядили мой телефон. Вы как ангел. Только с машиной. И с салфетками. Я теперь буду в супермаркете на хлеб смотреть и про вас вспоминать. Можно? Ну, вспоминать. Это не навязчиво? Я просто иногда вспоминаю хороших людей, и мне становится тепло. Вы не против, если я буду вас вспоминать?

Лера смотрела на его лицо, освещённое утренним солнцем, на батон, торчащий из-под мышки, на царапину на руке, которую он до сих пор не заметил, и понимала, что хочет, чтобы он вспоминал её. Хочет, чтобы ему было тепло. И это желание было таким сильным, таким неправильным с точки зрения её выстроенной логики, что она испугалась.

– Не против, – выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – И ты это... маме позвони. Сразу, как зарядка появится. Она, наверное, переживает.

– Обязательно! – пообещал Валера, расплываясь в улыбке. – И кефир ей куплю! Вы знаете, я только что вспомнил, она же просила кефир! А я чуть не забыл. Спасибо, что напомнили! Вы правда ангел!

Он помахал рукой, развернулся и, споткнувшись о бордюр, скрылся в подъезде, оставив после себя на асфальте несколько хлебных крошек и лёгкое, едва уловимое чувство, что мир стал чуточку добрее.

Лера сидела в машине, смотрела на закрытую дверь подъезда и не могла тронуться с места. Она думала о том, что через час у неё встреча с инвесторами, на которой нужно быть собранной, жёсткой и непроницаемой. Она думала о том, что у неё на коленях остался мелкий песок от его куртки, и что она, кажется, забыла спросить у него номер телефона. А потом она подумала о том, что знает, где он живёт, знает, где та пекарня с батонами, и что у неё, в конце концов, есть Костя, который отмывает его кроссовки и, вероятно, уже успел выяснить всё, что нужно.

Она улыбнулась собственным мыслям, включила зажигание и выехала со двора, чувствуя, как внутри неё, где-то глубоко, под слоями ответственности и делового этикета, прорастает маленькое, зелёное, совершенно неуместное в её мире чувство, которое очень напоминало надежду. Или, может быть, начало чего-то, что в книжках называют большой и чистой любовью, а в жизни – тем самым цементом, который застывает внезапно и навсегда, если не вытащить ногу вовремя. Но Валера свою ногу уже вытащил. А вот она, Лера, кажется, только начала в этот цемент погружаться, и, что самое страшное, ей это начинало чертовски нравиться.

### Глава третья. Кроссовки возвращаются домой, а реальность даёт трещину

Кроссовок вернулся к Валере на следующий день ближе к вечеру, и это событие само по себе было настолько эпическим, что, случись оно в древние времена, о нём непременно сложили бы балладу. Костя, молодой человек в униформе, чья судьба волею начальницы оказалась намертво привязана к обуви незнакомца, доставил его собственноручно, держа перед собой на вытянутых руках, словно священную реликвию. Кроссовок был чист. Более того, он был надраен до такого немыслимого блеска, что в его поверхности отражались облака, проплывавшие над головой Кости, когда тот стоял на лестничной клетке хрущёвки и переминался с ноги на ногу, не зная, как объяснить, почему он вообще здесь оказался и почему его начальница, великая и ужасная Лера Сергеевна, трижды за день справлялась о состоянии этого чёртового кедрового изделия номер сорок три.

– Вот, – сказал Костя, протягивая обувь Валере, который открыл дверь в растянутой футболке с надписью «I love NY», причём буква «love» была изображена в виде красного сердца, давно уже полинявшего после сотен стирок. – Ваш... э-э-э... второй. Мы его отмыли. От цемента. И обработали специальным составом, чтобы не дубел. Я вообще-то в этом не разбираюсь, но Лера Сергеевна сказала, что если я не приведу его в порядок, то... в общем, вот. Он как новый. Даже лучше, чем был.

Валера взял кроссовок, повертел его в руках и посмотрел на Костю с таким выражением, будто тот только что подарил ему редчайший экземпляр тропической бабочки, вымершей ещё в прошлом веке.

– Слушайте, это просто невероятно, – выдохнул Валера, прижимая кроссовок к груди, и Косте на секунду показалось, что сейчас этот странный парень его расцелует. – Я уж думал, что прощай, кроссовок. Я же в них три года хожу. Они мои любимые. В них нога как в облаке. Ну, почти. Вы даже не представляете, как я вам благодарен. А тот, второй... он у меня дома. Один. Ждёт. Я его сегодня утром почистил щёткой, но он какой-то грустный был. А теперь у них снова будет пара! Это как в кино, когда герои находят друг друга после долгой разлуки.

Костя, который никогда не задумывался о кроссовках в категориях «облако» и «грусть», не нашёлся, что ответить. Он лишь молча кивнул и уже собрался уходить, когда Валера схватил его за рукав униформы с такой внезапной силой, что парень вздрогнул.

– Пойдите! Вы же потратили на это время! И силы! И тот специальный состав, наверное, дорогой. Я должен вас отблагодарить. У меня, правда, сейчас только хлеб есть, но он не очень подходит для благодарности, потому что он уже вчерашний. Хотя он всё ещё вкусный. Я его вчера съел не весь, потому что... ну, потому что не доел. Я могу чай предложить! У меня есть чай. И печенье. Правда, печенье я вчера открыл, но оно ещё хрустит. Хотите чаю?

Костя открыл рот, чтобы отказаться, но Валера уже тянул его за рукав в квартиру, и отказаться было физически невозможно, потому что Валера был сильнее, чем казался, и, кроме того, в его движениях чувствовалась та самая необъяснимая харизма, которая заставляла людей подчиняться не силе, а какому-то внутреннему, тёплому убеждению, что отказать этому человеку – всё равно что пнуть щенка.

Квартира Валеры оказалась именно такой, какой её и можно было ожидать, если бы кто-то ожидал чего-то подобного. Здесь царил идеальный, выверенный хаос, который имел свои, неведомые посторонним законы. На кухонном столе стояла кружка с засохшими следами кофе, рядом лежала раскрытая книга в мягкой обложке, заложенная на середине куском старого билета на электричку, и тут же соседствовал пульт от телевизора, который, судя по слою пыли, не использовался уже несколько месяцев. На подоконнике рос кактус в горшке в виде лягушки, причём кактус был настолько огромным, что лягушка под ним почти не просматривалась. На стене висела гитара с лопнувшей струной, и Костя успел подумать, что она здесь явно выполняет скорее декоративную, чем музыкальную функцию.

– Садитесь, – сказал Валера, указывая на стул, который скрипнул так жалобно, что Костя решил сесть на него максимально осторожно, будто под ним была мина. – Я сейчас чайник поставлю. У меня есть зелёный, чёрный, и ещё какой-то с бергамотом, но он закончился вчера, я забыл купить, поэтому на самом деле есть только чёрный и зелёный. Вы какой любите?

– Да любой, – выдавил Костя, чувствуя себя так, словно его занесло в параллельную вселенную, где все правила приличия и социальных дистанций были переписаны заново.

– Тогда чёрный, – решил Валера, заливая кипятком в заварочный чайник, который, судя по трещине на носике, пережил не одну битву с гравитацией. – Зелёный я как-то не очень. Он на траву похож. А я в детстве траву не ел, у меня аллергии не было, но бабушка говорила, что если есть траву, то можно отравиться. Я с тех пор к зелёному чаю с опаской. Хотя вроде бы это не трава, это чай. Но осадочек остался. Вы понимаете?

Костя, который в детстве тоже не ел траву, но по совершенно другим причинам, понимал только одно: этот человек говорит с ним так, будто они знакомы лет десять, и в этом было что-то до странности расслабляющее. Он сидел на скрипучем стуле, смотрел, как Валера пытается достать печенье из пачки, рассыпая крошки по всей столешнице, и вдруг поймал себя на мысли, что не хочет уходить. Не потому, что ему здесь было удобно или интересно, а потому, что от Валеры исходила какая-то умиротворяющая, тягучая энергия, которая делала мир вокруг проще и понятнее. В его присутствии не нужно было ничего доказывать, ничего достигать, ничего скрывать. Можно было просто сидеть, пить чёрный чай из кружки с трещиной и смотреть, как хозяин квартиры радостно воссоединяет два кроссовка, ставя их рядом на пол и восторженно кивая собственному отражению в окне.

– Красота, – сказал Валера, разглядывая пару. – Теперь они снова вместе. Вы знаете, я вчера всё думал: а вдруг тот кроссовок, который остался в цементе, думает, что я его бросил? Ну, знаете, как в мультиках, когда игрушки обижаются. Я понимаю, что это глупости, но всё равно думал. А теперь он дома. Спасибо вам огромное. И Лере Сергеевне спасибо. Она очень добрая. Вы знаете, я вчера маме позвонил, как она и сказала. И кефир купил. Оказывается, она не просила кефир, она просила ряженку. Но я купил и то и другое, чтобы не ошибиться. Мама обрадовалась. Сказала, что я молодец. Хотя я не уверен, что молодец, потому что ряженка всё-

таки дороже, а я на работе только послезавтра получка. Но мама же, она не просто так просит. Если она просит, значит, ей нужно. Правда?

Костя кивнул. Он вдруг вспомнил, что сам не звонил своей матери уже неделю, а в прошлый раз, когда звонил, она спрашивала, не нужна ли ему помощь с переездом, а он отмахнулся, потому что был занят. Ему стало неловко. Неловко и тепло одновременно, потому что этот нелепый парень с кроссовками и полинявшим сердцем на футболке только что, сам того не ведая, напомнил ему о чём-то важном, что он давно отодвинул на задний план.

– Я передам Лере Сергеевне, – сказал Костя, делая глоток чая. Чай оказался крепким, почти чёрным, и пахнул чем-то домашним, напоминающим субботнее утро в детстве, когда можно было не спешить, валяться в постели и слушать, как мама гремит посудой на кухне.

– А вы не могли бы ей ещё кое-что передать? – спросил вдруг Валера, и в его голосе появилась непривычная серьёзность. – Скажите ей, что я очень благодарен. И что если она когда-нибудь захочет попробовать настоящий батон, который не черствеет с одного конца, то я знаю одно место. Не то, куда она меня вчера возила, там, конечно, вкусно, но дорого. А есть обычная пекарня, рядом с моей работой. Там батоны такие, что пальчики оближешь. И продавщица тётя Галя, она всегда откладывает для меня самый свежий, потому что я однажды помог ей донести сумки. Я тогда опоздал на работу, но начальник не ругался. Он сказал, что добрые дела важнее отчётности. Правда, потом он попросил меня отчёт всё-таки сделать, но я его сделал, и там всё было правильно, кроме одной цифры, но он сказал, что это не страшно, потому что эту цифру никто не проверяет. Вы верите, что бывают такие начальники? Я иногда думаю, что мне просто везёт.

Костя смотрел на Валеру, и в голове у него не укладывалось, как этот человек вообще существует. Как он ходит на работу, как платит за квартиру, как не пропадает в этом огромном, жестоком городе с его пробками, кредитами и вечной гонкой. Но он не пропал. Мало того, он каким-то непостижимым образом заставлял мир подстраиваться под себя, или, может быть, просто мир, устав от вечной суеты, с радостью замедлялся рядом с ним.

– Передам, – сказал Костя, допивая чай и чувствуя, что пора уходить, пока он не рассказал этому парню о своих проблемах, которых, как он вдруг понял, накопилось немало. – Обязательно передам. А вы... вы берегите кроссовки. И... и маме звоните почаще. Она же радуется.

– Обязательно! – воскликнул Валера, провожая гостя до двери. – Я ей теперь каждый день звоню. У нас даже ритуал: я звоню, она спрашивает, что я ел, я говорю, что я ел, а она говорит, что я мало ем, и спрашивает, не болит ли у меня живот. И так каждый день. И ни разу не надоело. Вы знаете, а ведь когда я был маленький, мне это надоело. Я думал: ну что за глупости, я же не ребёнок. А теперь мне кажется, что это самое важное, что у меня есть. Ну, кроме кроссовок, конечно. И батона. И того кактуса, он у меня уже десять лет, представляете? Он пережил три моих переезда и одну девушку, которая хотела его выкинуть, потому что он колючий. Я тогда подумал: если кактус колючий, это не значит, что он плохой. Просто его нельзя трогать руками. Надо его просто поливать и разговаривать с ним. Он, кстати, очень хорошо растёт, когда с ним разговаривают. Я с ним разговариваю. По утрам. Говорю: «Привет, как дела?» А он молчит, но мне кажется, ему нравится.

Костя вышел на лестничную клетку, и дверь за ним закрылась, но он ещё долго стоял, глядя на облупившуюся краску и слушая, как внутри квартиры Валера что-то напевает себе

под нос, скорее всего, обращаясь к своему колючему другу. Он достал телефон и написал Лере Сергеевне сообщение: «Кроссовок доставил. Всё в порядке. Он передаёт, что очень благодарен. И ещё про батон какой-то говорил, у тётки Гали. Сказал, что если захотите, то он знает место, где самый свежий».

Ответ пришёл через тридцать секунд, что само по себе было невероятно, потому что Лера Сергеевна обычно отвечала на сообщения подчинённых в течение рабочего дня, с чёткой периодичностью и без единого лишнего слова. Но сейчас она написала: «Какой батон? Какая тётка Галя? Он что, приглашает меня в пекарню?» А через паузу, словно спохватившись, добавила: «Спасибо, Костя. Ты свободен».

Костя убрал телефон, спустился по лестнице и вышел во двор, где уже зажигались фонари, отбрасывая оранжевый свет на мокрый после недавнего дождя асфальт. Ему было странно. Он только что провёл полчаса в квартире человека, который был полной противоположностью всего, что он считал успешным и правильным в этой жизни. И этот человек не предложил ему ничего, кроме чёрного чая и печенья, которое оказалось на удивление вкусным, несмотря на вчерашнюю открытую пачку. Он не рассказывал о карьерных достижениях, не хвастался машиной или квартирой, не давал советов, как разбогатеть или стать лучше. Он просто был собой. И от этого простого, незамысловатого существования у Кости внутри что-то переворачивалось. Ему вдруг захотелось завтра же позвонить матери, купить ей не просто ряженку, а что-то ещё, что она любит, и приехать, и сесть на кухне, и пить чай, и слушать её рассказы о соседях и о том, что она смотрела по телевизору. Ему захотелось остановиться. Замереть. Выдохнуть.

Он посмотрел на окна квартиры Валеры, где горел тусклый жёлтый свет, и подумал, что этот странный, неуклюжий, вечно всё роняющий парень, которого он про себя сначала назвал «лохом», на самом деле владеет чем-то, что Костя, с его зарплатой, амбициями и планами на будущее, упустил где-то по дороге. Чем-то таким простым и очевидным, что это даже не приходило в голову включать в список жизненных целей. Умением быть. Просто быть. И от этого умения люди вокруг начинали светиться.

В этот момент в кармане Кости снова завибрировал телефон. Он достал его, ожидая увидеть новое указание от начальницы, но это было сообщение от неё же, и оно гласило: «Костя, ты не спросил у него адрес этой пекарни? Той, где тётка Галя?»

Костя усмехнулся. Он представил Леру Сергеевну, великую переговорщицу и железную леди их офиса, которая сейчас сидит где-нибудь в своём идеальном доме, на идеальном диване, в идеальной одежде, и мучительно думает, как бы спросить у неё, у себя самой, а зачем ей, собственно, эта пекарня. И что она там будет делать? Покупать батон? Она никогда не покупала батон. Она покупала безглютеновые хлебцы и рисовые лепёшки. И вдруг – батон. У тётки Гали.

«Не спросил, – написал Костя в ответ. – Но могу съездить завтра, если нужно. Он сказал, что пекарня рядом с его работой. Металлопрокат на Южной, кажется».

Ответа не последовало, но Костя и не ждал. Он знал свою начальницу. Она не станет отправлять его за адресом пекарни, потому что это было бы слишком очевидно. Она найдёт способ сама. Или не найдёт. Или найдёт, но сделает вид, что это случайность. Или будет мучиться, прокручивать в голове его слова, вспоминать, как этот парень стоял посреди улицы с ногой в цементе и рассказывал о крошках на носках. Костя вдруг понял, что Лера Сергеевна,

которая всегда казалась ему недостижимой, холодной и абсолютно самодостаточной, сейчас, возможно, переживает то же самое, что и он минуту назад. Остановку. Замешательство. Желание чего-то простого, настоящего, такого же тёплого, как тот чёрный чай в треснувшей кружке.

Он пошёл к остановке, и в его шагах не было обычной спешки. Он не бежал на автобус, не проверял рабочие чаты, не думал о том, что завтра нужно сдать отчёт по складским остаткам. Он думал о том, что, наверное, именно так выглядят настоящие чудеса. Без фейерверков, без взрывов и внезапно обретенных богатств. Просто один человек, который споткнулся и упал в цемент, случайно перевернул жизни нескольких других, даже не заметив этого. Он просто вытащил ногу, отряхнулся и пошёл за батоном, а за ним, как за магнитом, потянулись обрывки чужих сердец, чужих секретов и чужих надежд, которые, возможно, и не знали о том, что им так не хватало именно этого – простого, неуклюжего, настоящего. Валеры. Того самого «лоха воплоти», который даже не подозревал, что уже стал центром маленькой вселенной, где цемент на кроссовках оказывается не катастрофой, а началом чего-то гораздо более важного.

Глава четвертая. Батон становится мостом, а случайности перестают быть случайными

Лера Сергеевна проработала в своей должности вице-директора по развитию восемь лет, и за это время у неё сформировалась железная привычка: любое решение должно быть взвешенным, обоснованным и лишённым эмоциональной составляющей. Она вела переговоры с китайскими поставщиками, когда те пытались навязать ей невыгодные условия, и выходила победительницей, потому что умела ждать, умела просчитывать ходы на три шага вперёд и никогда не позволяла чувствам влиять на деловые вопросы. Именно поэтому сейчас, сидя в своём кабинете на двадцать третьем этаже бизнес-центра и глядя на панорамное окно, за которым раскинулся город, сверкающий стеклом и сталью, она чувствовала себя абсолютно беспомощной. Потому что вопрос, который она перед собой поставила, не имел никакого отношения к бизнесу, и просчитывать здесь было нечего.

Вопрос был простым, даже примитивным: зачем она хочет поехать в ту пекарню?

Лера взяла ручку и начала машинально крутить её в пальцах, что было верным признаком внутреннего напряжения. Её кабинет был образцом порядка: белые стены, строгая чёрная мебель, ни одной лишней детали, только ноутбук, планшет для заметок и фотография в рамке, которую ей подарили подчинённые на юбилей – на ней она стояла на фоне корпоратива с бокалом шампанского, улыбаясь той самой дежурной улыбкой, которая ничего не значила. Она смотрела на эту фотографию и понимала, что за последние три года, пожалуй, ни разу не улыбалась так, как вчера утром, когда этот нелепый парень с батоном под мышкой рассказывал ей о лампах для хлеба. Та улыбка была настоящей. Она была не для протокола, не для галочки, не для поддержания имиджа. Она просто вырвалась наружу, как вода из прорванной трубы, и остановить её было невозможно.

– Это глупость, – сказала она вслух своему отражению в чёрном экране выключенного ноутбука. – Полная глупость.

Она пыталась убедить себя, что ей просто любопытно, что это за пекарня, где продаются батоны, которые не черствеют с одного конца. Что это чисто профессиональный интерес, потому что она, как руководитель, должна знать, где в городе есть качественные точки питания для корпоративных мероприятий. Что она поедет туда, купит этот батон, убедится, что он ничем не отличается от обычного, и на этом всё закончится. Она закроет эту странную главу

своей жизни, как закрывают ненужную вкладку в браузере, и вернётся к привычному распорядку: переговоры, отчёты, стратегические сессии, ужин в одиночестве с бокалом красного и сценарий, в котором нет места спонтанным поездкам в пекарни на другом конце города.

Но она знала, что врёт себе. Потому что дело было не в батоне. Дело было в том, как он на неё посмотрел, когда прощался у подъезда. В его глазах, серых, чистых, без единой тени расчёта, было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание. Он смотрел на неё так, будто она была не вице-директором крупной компании, не женщиной в идеальном костюме и с идеальным маникюром, а просто человеком. Человеком, который сделал для него что-то хорошее, и он это запомнил. Он не оценивал её статус, не прикидывал, чем она может быть ему полезна, не пытался произвести на неё впечатление. Он просто благодарил. Искренне. От всей души. И этой искренности было так много, что она, привыкшая к дипломатичным улыбкам и выверенным комплиментам, почувствовала себя голой. Беззащитной. Живой.

Она нажала кнопку интеркома и сказала секретарше:

– Анна, у меня встреча с инвесторами переносится на завтра. Скажите, что я плохо себя чувствую.

– Вам вызвать врача? – встревожилась секретарша, потому что Лера Сергеевна никогда не переносила встречи. За все восемь лет. Даже когда у неё была температура под сорок, она проводила видеоконференции из дома, с капельницей, воткнутой в вену, и выглядела при этом так, будто только что вышла с обложки делового журнала.

– Не нужно, – ответила Лера, и в её голосе прозвучало что-то новое, что-то такое, от чего Анна на том конце провода на мгновение потеряла дар речи. – Просто скажите, что я не смогу. Всё.

Она отключила интерком, взяла ключи от машины и вышла из кабинета, чувствуя себя предательницей. Предательницей собственных принципов, собственного имиджа, собственной жизни, которую она так тщательно выстраивала годами. Но вместе с этим чувством вины в ней жило другое чувство, гораздо более сильное и древнее – чувство свободы. Свободы сделать то, что хочется, а не то, что правильно. Свободы поехать на другой конец города в поисках пекарни, о которой она знает только то, что там работает тётя Галя и что там продаются батоны, которые, возможно, ничем не отличаются от всех остальных батонов в этом городе. Но они были его батонами. И этого было достаточно.

Дорога заняла сорок семь минут, и Лера запомнила каждую из них. Она ехала по городу, который знала наизусть как карту стратегических объектов, и вдруг увидела его совсем другим. Она заметила, как в сквере на перекрёстке цветёт сирень, хотя раньше проезжала здесь сотни раз и никогда не обращала на неё внимания. Она заметила старушку, которая кормила голубей на скамейке, и почему-то вспомнила свою бабушку, которая умерла, когда Лера была на втором курсе, и с которой она так и не научилась говорить по душам, потому что всегда была занята, всегда куда-то спешила, всегда строила карьеру. Она заметила мальчишку на велосипеде, который лихо объехал лужу и засмеялся, и её собственные губы дрогнули в ответной улыбке. Город, который всегда казался ей огромным механизмом, состоящим из офисов, пробок и дедлайнов, вдруг ожил. Задышал. Заиграл красками, которых она раньше не видела.

Она припарковалась у дома Валеры, хотя пекарня, которую он упоминал, находилась, по словам Кости, рядом с его работой, на Южной. Но Лера не поехала на Южную. Она приехала сюда. В этот двор с облупившейся краской и вечно открытой подъездной дверью. Она сидела в машине, смотрела на окна его квартиры и не могла объяснить себе, зачем она здесь. Она даже не знала, дома ли он. Скорее всего, нет – сейчас рабочий день, он где-то там, в офисе по продаже металлопроката, о котором она ничего не знала, кроме того, что он существует и что там работает тётя Галя в пекарне рядом. Она могла бы позвонить Косте, спросить адрес той самой пекарни, но это было бы слишком просто. Слишком правильно. Слишком по-деловому. А ей хотелось неправильно. Ей хотелось случайности. Ей хотелось, чтобы мир, который всегда подчинялся её правилам, вдруг сделал что-то сам.

И мир сделал.

Дверь подъезда открылась, и из неё вышел Валера. Он был в тех же джинсах, что и вчера, только теперь без цемента, в простой серой кофте, которая была ему великовата, и в тех самых воссоединённых кроссовках, которые Костя привёз ему сегодня. В руках он держал пакет, из которого торчала бутылка кефира – или, возможно, ряженки, Лера не могла разобрать издали. Он шёл своей обычной походкой, слегка неуклюжей, слегка раскачивающейся, и всё время смотрел под ноги, будто боялся наступить на трещину в асфальте. Он был таким обычным, таким неприметным в этой серой толпе спешащих людей, и в то же время таким особенным, что Лера, наблюдавшая за ним из-за тонированных стёкол своей машины, почувствовала, как её сердце сделало кульбит, которого она от него никак не ожидала.

Валера не заметил её. Он прошёл мимо, свернул за угол и скрылся из виду, а Лера осталась сидеть, сжимая руль так сильно, что побелели костяшки. Она могла бы завести машину и уехать. Она могла бы сказать себе, что это было глупое, минутное помешательство, что она просто устала, что ей нужно взять себя в руки и вернуться в офис, где её ждут отчёты и встречи. Она могла бы забыть этого странного парня с батоном и кроссовками, как забывают сон, который казался важным, но при пробуждении рассыпается на бессмысленные обрывки. Она могла бы. Но она не сделала этого.

Она вышла из машины и пошла за ним.

Это было странное ощущение – идти по улице, которую она не знала, следить за человеком, который шёл впереди, не оборачиваясь, и чувствовать, как в груди нарастает странное, почти детское волнение. Она чувствовала себя шпионкой, но шпионила она не за врагом, а за чем-то, что она потеряла много лет назад и только сейчас, кажется, нашла. Валера шёл не спеша, останавливался у каждой витрины, разглядывал собак на поводках, улыбался прохожим, которые почему-то улыбались ему в ответ. Он был как солнечный зайчик, скользящий по серому асфальту, – невесомый, тёплый, неуловимый. И Лера, идя за ним, чувствовала, как с каждым его шагом с неё спадает ещё один слой той брони, которую она носила так долго, что уже срослась с ней.

Он свернул в арку, прошёл через двор, потом ещё через один, и вышел на небольшую улочку, где тесно стояли старые двухэтажные дома, а в самом конце, под огромным старым тополем, пряталось маленькое здание с вывеской, которую Лера смогла разобрать только когда подошла ближе: «Хлеб. Выпечка. Тётя Галя».

Пекарня оказалась крошечной, похожей скорее на лавку, чем на магазин. Дверь была старой, с облупившейся краской, и открывалась со скрипом, который, наверное, был слышен на всю улицу. Но внутри пахло так, что у Леры закружилась голова. Этот запах – свежего хлеба, корицы, ванили и чего-то ещё, неуловимого, домашнего – ударил в нос, и она на секунду закрыла глаза, чтобы запомнить его навсегда. Она открыла их и увидела Валеру, стоящего у прилавка. Перед ним стояла полная женщина в белом фартуке, с круглым добрым лицом и руками, которые, казалось, были созданы для того, чтобы месить тесто. Это и была тётя Галя.

– Валера, золотой мой, – говорила она, заворачивая батон в бумажный пакет с такой нежностью, будто укутывала младенца. – Ты опять кефир забыл. Я же тебе говорила: сначала кефир, потом хлеб. А ты наоборот. Вечно у тебя всё наоборот.

– Я помню, тётя Галь, – виновато ответил Валера, протягивая деньги, которые, как заметила Лера, были мятыми и перемешанными с какими-то чеками. – Но я же за кефиром потом схожу. Я сначала к вам зашёл, потому что я соскучился. Вчера я в другой пекарне был, там вкусно, но не так, как у вас. Там всё какое-то правильное, а у вас – настоящее. Вы знаете, я вчера одной девушке про вас рассказывал. Она очень хорошая. Она меня из цемента спасла. И кроссовки мне потом привезли. Чистые. Представляете? Вы бы видели, какие чистые. Я их сегодня надел, они как новые. Нога в них как в облаке. Я вам говорил, что они как облако? Нет? Ну, как облако. Или как свежий хлеб, только на ногах. Это глупо звучит, да? Я понимаю. Но вы не смейтесь.

– Я и не смеюсь, – сказала тётя Галя, и в её голосе была такая теплота, что Лера, стоявшая в дверях, почувствовала, как у неё защипало в глазах. – Ты, главное, кефир купи. И маме позвони. Она вчера заходила, спрашивала, не видел ли я тебя. Говорит, ты ей ряженку принёс вместо кефира. А она кефир хотела. Но ряженка тоже хорошая, она не расстроилась. Ты, главное, не переживай. Матери всё равно, что ты принесёшь, лишь бы принёс. Понял?

– Понял, – кивнул Валера, принимая пакет с батоном, и вдруг повернулся к двери, словно почувствовав чей-то взгляд.

Он увидел Леру. Она стояла на пороге, в своём безупречном костюме, с идеальной укладкой, которая уже немного растрепалась от ветра, и смотрела на него так, будто он был привидением. Или, может быть, будто она сама была привидением, которое явилось сюда из другого мира, из мира стекла и бетона, и теперь не знало, как вписаться в этот тёплый, пахнущий хлебом уголок.

– Вы! – воскликнул Валера, и его лицо осветилось такой радостью, будто он встретил не случайную знакомую, а лучшего друга, которого не видел сто лет. – Вы здесь! Как вы... вы что, приехали? За батоном? Я же просил Костю передать! Он передал? Вы приехали! Тётя Галя, это та самая девушка! Которая меня из цемента спасла! И кроссовки! И телефон зарядила! Представляете, она приехала!

Тётя Галя посмотрела на Леру внимательным, изучающим взглядом, каким смотрят только те, кто прожил долгую жизнь и научился видеть людей насквозь. Лера под этим взглядом почувствовала себя неуютно, как первоклассница перед строгой учительницей. Она ждала, что тётя Галя сейчас спросит, кто она такая и что здесь делает, но тётя Галя вместо этого улыбнулась – широко, открыто, по-матерински – и сказала:

– Спасительница, значит. Ну, заходи, спасительница. Чай будешь? У меня только что пирог с вишней спекся. Валера, подвинься, дай человеку сесть. Чего стоишь как вкопанный? Видишь, она устала с дороги. Вон, глаза какие усталые. Садись, милая, садись. Я тебе пирога отрежу, ещё тёплого.

Лера хотела сказать, что она не может, что у неё дела, что она просто проезжала мимо и зашла из любопытства, но слова застряли в горле. Потому что тётя Галя смотрела на неё так, как не смотрела ни одна живая душа за последние много лет. В этом взгляде не было ни оценки, ни расчёта, ни ожидания чего-то взамен. В нём было только одно: приглашение. Приглашение остаться. Приглашение быть. И Лера, которая никогда никому не позволяла командовать собой, вдруг села на старый деревянный стул, который скрипнул под её весом, и почувствовала, как напряжение, копившееся в ней годами, начинает медленно, по капле, отпускать.

– Спасибо, – сказала она, и её голос прозвучал тише, чем она хотела. – Я... я, правда, не хотела вас беспокоить. Я просто...

– Просто приехала, – закончил за неё Валера, садясь напротив и с такой серьёзностью глядя на неё, будто она только что сообщила ему нечто чрезвычайно важное. – Это правильно. Иногда надо просто приехать. Я вот тоже сегодня с работы пораньше ушёл. Начальник спросил, почему, я сказал, что хочу к тётя Гале за батоном, пока она не закрылась. Он сказал: «Валера, ты у нас единственный, кто ради хлеба с работы сбегает». А я не сбегал. Я просто вышел пораньше. Потому что если не выйти пораньше, то можно пропустить что-то важное. Я вот вчера, если бы не вышел пораньше, то не встретил бы вас. И сейчас бы сидел в офисе, пил растворимый кофе и думал о том, что кроссовок мой, наверное, всё ещё в цементе. А я бы его не спас. И вы бы не приехали. И пирога бы не попробовали. А он, вы знаете, очень вкусный. Тётя Галя делает самый лучший вишнёвый пирог в городе. Я в этом уверен. Я пробовал много пирогов, но этот – самый лучший. Потому что он с душой. Вы верите в душу? Ну, в еду. Я верю. Если с душой, то вкуснее. Всё, что с душой, вкуснее.

Лера смотрела на него и не могла поверить, что этот человек существует. Он говорил такие простые, такие очевидные вещи, но они почему-то переворачивали всё внутри. Она всю жизнь считала, что успех – это когда ты всё контролируешь, когда ты на шаг впереди, когда ты не позволяешь себе слабостей. А он сидел перед ней, в своей великоватой кофте, с пакетом батона в руках, и говорил о душе в пироге и о том, что иногда надо просто выйти пораньше, чтобы не пропустить что-то важное. И Лера вдруг поняла, что она пропускала. Всю жизнь. Она пропускала вишнёвый пирог, который пахнет детством, и разговоры с людьми, которым не нужно от тебя ничего, кроме твоего присутствия, и этот странный, удивительный покой, который наступает, когда перестаёшь бежать и просто сидишь на старом скрипучем стуле в маленькой пекарне под огромным тополем.

Тётя Галя поставила перед ней тарелку с пирогом – огромный кусок, с румяной корочкой, из которого сочилась густая вишнёвая начинка, – и кружку горячего чая, заваренного в большом фаянсовом чайнике с отбитым носиком.

– Ешь, – сказала тётя Галя просто, как приказ, но в этом приказе не было жёсткости, была только забота. – Ты худая слишком. На работе, небось, не ешь ничего. Только кофе. Валера, ты посмотри, она вся из себя правильная, а под глазами круги. Ты бы её, что ли, покормил нормально. Человек в твоём спасении нуждается больше, чем ты в её.

Валера послушно кивнул, хотя, кажется, не совсем понял, в каком именно спасении нуждается Лера. Но он посмотрел на неё своими серыми глазами, в которых не было ни капли жалости, а было что-то другое – тёплое, принимающее, безоговорочное – и сказал:

– Ешьте. Правда, очень вкусно. А потом я вам покажу, где здесь кефир продают. Хороший. Я всегда там беру. Там дядька работает, его Сашей зовут, он всегда говорит, что кефир свежий, но один раз он соврал, я принёс домой, а кефир был кислый. Я тогда подумал: может, он не соврал, может, он просто забыл проверить. Я ему сказал об этом, он извинился и дал мне новый, свежий. И с тех пор мы друзья. Я ему иногда помогаю ящики перетаскать, а он мне всегда самый свежий кефир оставляет. А вы какой любите? Кефир или ряженку? Я вот вчера маме ряженку купил, а она хотела кефир. Но всё равно обрадовалась. Она говорит, что ряженка полезнее. Я не знаю, правда это или нет, но я ей верю. Она у меня умная. Вы бы с ней познакомились, вы бы понравились друг другу. Она всех хороших людей любит. А вы хороший. Я сразу понял, когда вы мне салфетки дали. И кроссовки мои спасли. И телефон зарядили. Вы очень хороший человек. Я так редко встречаю хороших людей. Или часто, но я не всегда замечаю? Не знаю. Но вы – хороший. Это точно.

Лера слушала его и ела пирог. Пирог был и правда невероятным – тёплый, рассыпчатый, с кисло-сладкой начинкой, которая таяла на языке. Она не помнила, когда в последний раз ела что-то, приготовленное руками другого человека, не в ресторане, не на фуршете, не в доставке, а вот так – на кухне, где пахнет хлебом и корицей, где стул скрипит, а чай пьют из кружек с трещинами. Она не помнила, когда в последний раз чувствовала себя так спокойно. Так безопасно. Так по-настоящему.

Она смотрела на Валеру, который рассказывал что-то о дядьке Саше и его кефире, о том, как однажды перепутал солёное с несолёным и чуть не испортил суп, о том, как его кактус на подоконнике, оказывается, очень чувствительный и не любит, когда его ставят на сквозняк, и Лера вдруг поняла, что не хочет, чтобы этот вечер заканчивался. Она не хочет возвращаться в свой идеальный, стерильный мир, где всё под контролем, где нет места для вишнёвого пирога и разговоров о кефире. Она хочет остаться здесь, в этой маленькой пекарне, где время течёт иначе, где люди называют друг друга по именам и где никто не спрашивает, кто ты и сколько у тебя в банке.

– Валера, – сказала она, когда он замолчал, чтобы сделать глоток чая, и в её голосе было что-то, чего она сама не узнавала – мягкое, почти робкое. – А можно я с тобой завтра схожу? Ну, за кефиром. К дядьке Саше. Я давно не покупала кефир в таком месте. Всё в супермаркетах. А там, наверное, совсем другой вкус, да?

Валера посмотрел на неё, и его лицо снова озарилось той самой радостью, от которой у Леры замирало сердце.

– Конечно! – воскликнул он, чуть не опрокинув кружку. – Завтра? Я завтра после работы пойду. Мне всё равно кефир нужен. Или ряженка. Я ещё не решил. Мама сказала, что ряженка тоже хорошая, но кефир она всё-таки больше любит. Я куплю кефир. И вам куплю. Угощу. Как вы меня батонем угостили. Только тогда, в той пекарне, я его не ел при вас, а вы при мне пирог ели. Это нечестно. Завтра вы будете пить кефир при мне. Или ряженку. Какую захотите. Дядька Саша говорит, что его ряженка – самая лучшая в районе. Я ему верю. Он хоть раз и ошибся с кефиром, но ряженка у него всегда отличная. Вы не пожалеете. Обещаю.

Лера улыбнулась. Улыбнулась так, как не улыбалась, наверное, с самого детства – открыто, светло, без оглядки на то, как это выглядит и что подумают другие. Она сидела в маленькой пекарне, ела вишнёвый пирог, пила чай из треснувшей кружки и смотрела на человека, который был полной противоположностью всего, что она считала правильным, и чувствовала, что, кажется, начинает выздоравливать. От чего – она не знала. От жизни, наверное. От той жизни, где всё было выверено, просчитано и лишено вкуса. Настоящего вкуса – кисло-сладкого, как вишня в пироге, и тёплого, как свежий батон, который она держала в руках и который, она была готова поклясться, никогда не черствел с одного конца.

Тётя Галя, глядя на них из-за прилавка, только покачала головой и улыбнулась в усы. Она прожила долгую жизнь и видела много пар, много историй, много начал и концов. И она знала: когда женщина в идеальном костюме бросает всё и едет на другой конец города за батонем, который продаётся в обычной пекарне, это уже не про батон. Это про что-то гораздо большее. Про то, что нельзя просчитать, нельзя спланировать, нельзя уложить в бизнес-план. Про то, что случается раз в жизни, если очень повезёт. И глядя на Валеру, который рассказывал Лере о том, как его кактус боится сквозняков, а та слушала с таким вниманием, будто от этого зависела её судьба, тётя Галя подумала, что сегодня в её пекарне случилось маленькое чудо. И что это чудо пахнет вишней и свежим хлебом, и что оно, возможно, изменит всё. Для всех.

Глава пятая, в которой кефир оказывается судьбоносным, а жизнь даёт второй шанс

Следующий день выдался таким, какие в городе бывают раз в году, когда небо очищается от серой пелены, солнце льётся потоком, не жалея тепла, и даже самые угрюмые прохожие начинают улыбаться без всякой причины. Лера проснулась за час до будильника, что с ней не случалось никогда, потому что она привыкла выжимать из сна каждую минуту, как выжимают влагу из полотенца, но сегодня глаза открылись сами собой, и в них не было привычной тяжести. Она лежала в своей идеальной постели с идеальным бельём, смотрела в идеально белый потолок и чувствовала, как где-то в груди, под рёбрами, живёт странное, трепетное чувство, которое она не могла определить. Оно было похоже на предвкушение, но предвкушение чего? Встречи? Но она встречалась с сотнями людей, проводила переговоры, подписывала контракты, и никогда ни одно из этих событий не заставляло её сердце биться быстрее за час до того, как нужно вставать.

Она медленно села на кровати, обхватила колени руками и посмотрела в окно. Солнце пробивалось сквозь жалюзи, рисуя на полу золотистые полосы, и Лера вдруг вспомнила, что у неё есть балкон. Она купила эту квартиру три года назад, и на балконе стояли два пустых горшка для цветов, которые она так и не посадила, потому что у неё никогда не было времени, а ещё потому, что она не была уверена, что сможет за ними ухаживать. Растения требуют регулярности, полива, внимания, а она могла пропадать в командировках неделями, и тогда цветы засохли бы, и это было бы ещё одним доказательством того, что она не умеет заботиться о живом. Но сегодня ей вдруг захотелось посадить цветы. Может быть, герань, как у тёти Гали в пекарне. Там на подоконнике стояли горшки с ярко-красными соцветиями, и они выглядели такими счастливыми, такими ухоженными, будто кто-то разговаривал с ними каждое утро. Как Валера разговаривает со своим кактусом.

Она вспомнила, как вчера вечером, когда они вышли из пекарни, небо уже начало темнеть, и фонари зажигались один за другим, отбрасывая мягкий оранжевый свет на старые дома и мостовую, выложенную брусчаткой, которая помнила, наверное, ещё прошлый век. Валера шёл рядом, держа в руках пакет с батонем, и рассказывал ей о том, что в этом районе каждый

дом имеет свою историю. Вот в том, с зелёными ставнями, когда-то жил художник, который рисовал только кошек, и их было так много, что соседи жаловались, но он всё равно продолжал рисовать, а когда умер, его картины оказались в Третьяковке. А в том, кирпичном, с облупившейся лепниной, жила старушка, которая каждое утро выходила на балкон и кормила ворон, и вороны её узнавали и прилетали ровно в восемь утра, садились на перила и ждали, пока она вынесет хлеб. Старушка умерла пять лет назад, но вороны всё равно прилетают каждое утро и сидят на перилах, как будто ждут. Валера говорил об этом с такой печалью, что Лере захотелось взять его за руку, просто так, чтобы он не был таким грустным, но она не решилась.

А потом они дошли до магазина, где работал дядька Саша, и тот уже закрывался, потому что было поздно, но, увидев Валеру, он заулыбался и сказал: «А, Валера, за кефиром? Я тебе оставил, знал, что придёшь. Сегодня особенный, из новой партии, попробуешь – не оторвёшься». И Валера купил два пакета кефира, один себе, один ей, и протянул его с таким видом, будто дарил не кефир, а хрустальную вазу.

– Вот, – сказал он, и в глазах его светилась гордость. – Это вам. За то, что вы меня спасли. И за пирог. Правда, это кефир, а не пирог, но дядька Саша говорит, что его кефир полезнее любого пирога. Хотя я не уверен. Пирог вкуснее. Но кефир тоже полезный. Я его пью на ночь, и сплю хорошо. А вы пьёте кефир на ночь? Или вы не пьёте? Вы вообще что пьёте? Кофе? Я видел, вы вчера кофе пили, когда я из цемента вылезал. Вы из такой красивой кружки пили, белой, блестящей. У меня таких нет. У меня кружка с динозавром. Он зелёный и светится в темноте. Мне её мама подарила на день рождения, когда я ещё в школе учился. Она думала, что я вырасту и перестану её использовать, а я не перестал. Потому что она светится. И динозавр смешной. Вы бы видели, у него такие маленькие лапки, а сам он большой. Он похож на меня, наверное. Тоже неуклюжий.

Лера взяла пакет кефира, и её пальцы снова встретились с его пальцами, и снова этот странный разряд, этот внутренний щелчок, который невозможно было объяснить физикой. Она посмотрела на него, на этого нелепого, бесконечно трогательного человека, который сравнивал себя с динозавром со светящейся кружки, и поняла, что хочет забрать его домой. Не в том смысле, который могли бы подумать посторонние, а в другом – в том, который чувствуют матери, когда видят потерянного ребёнка, или спасатели, когда вытаскивают из воды замёрзшего котёнка. Ей хотелось накормить его нормальным ужином, потому что он наверняка съест этот батон с кефиром и будет считать это полноценной трапезой. Ей хотелось купить ему нормальную кружку, без трещин, хотя бы для гостей, чтобы, когда кто-то придёт, ему не было стыдно наливать чай в посуду с историей аварий. Ей хотелось защитить его от мира, который, казалось, был создан для того, чтобы такие, как он, терялись, спотыкались и падали в цемент.

Но она не сказала ничего из этого. Она просто улыбнулась и сказала:

– Спасибо, Валера. Я выпью его сегодня. И, может быть, завтра расскажу тебе, как он повлиял на мой сон.

– Обязательно расскажите! – обрадовался он. – Я буду ждать. А вы знаете, что сон – это очень важно? Я вот вчера, например, видел сон, что я летаю. Как птица. Или как самолёт. Не помню. Но я летал, и мне было так хорошо, что я проснулся и улыбался. Потом я подумал: а что, если бы я не проснулся? Я бы так и летал. Но я проснулся, и это тоже хорошо, потому что мне нужно было на работу. А на работе сегодня было весело. Мы с ребятами обсуждали, кто из нас больше похож на динозавра. Меня выбрали. Я не обиделся. Динозавры – они же вымерли

не потому, что были плохими, а потому, что условия изменились. А я пока не вымер. Значит, условия мне подходят. Или я просто не замечаю, что они изменились? Не знаю.

Они стояли под фонарём, и свет падал на его лицо, делая его черты мягче, почти сказочными. Лера вдруг подумала, что могла бы стоять здесь вечно, слушать его бесконечные, ни на что не похожие монологи о динозаврах, снах и кефире, и ей не было бы скучно. Ей не было бы скучно никогда. Это открытие испугало её. Испугало тем, что она, женщина, которая могла часами слушать отчёты, цифры и презентации, не отвлекаясь ни на секунду, вдруг поняла, что настоящая жизнь – не в этих отчётах, а здесь, под фонарём, в старом районе, где вороны всё ещё ждут свою старушку, а художник, который рисовал кошек, стал бессмертным благодаря своим картинам.

– Валера, – сказала она, и голос её дрогнул, но она не стала это контролировать. – А можно я тебе завтра позвоню? Просто так. Не по делу. Просто чтобы спросить, как ты спал. И как твой кактус. И что ты ел на обед.

Валера посмотрел на неё, и его лицо стало таким серьёзным, каким она его ещё не видела.

– Конечно, – сказал он, и в его голосе не было ни капли удивления или насмешки, только искренность. – Я всегда отвечаю на звонки. Кроме тех случаев, когда телефон разряжен. Но теперь у меня есть зарядка. Я вчера купил новую, в переходе. Она розовая. С блёстками. Продавщица сказала, что это самая надёжная. Я ей поверил. Она была похожа на человека, который не обманывает. У неё были такие же глаза, как у вас. Добрые. Я вообще часто верю людям, у которых добрые глаза. Может, это глупо, но я так чувствую. Вы не считаете, что это глупо?

– Нет, – ответила Лера, и в этом коротком слове было столько всего, что она сама удивилась. – Я считаю, что это правильно. Что это, наверное, единственное правильное, что есть в этом мире.

И сейчас, сидя на своей идеальной кровати, вспоминая вчерашний вечер, Лера понимала, что сказала правду. Единственное правильное в этом мире – это верить людям с добрыми глазами. И она, которая никогда никому не верила, которая всё проверяла, перепроверяла, анализировала, вдруг поверила этому странному парню, который сравнивает себя с динозавром и покупает зарядки с блёстками. И от этого ей было одновременно страшно и легко. Страшно, потому что она теряла контроль, а легко, потому что она, кажется, наконец-то переставала держать всё под контролем и позволяла себе просто быть.

Она встала, подошла к зеркалу и посмотрела на себя. На ней была простая белая футболка, которую она обычно надевала на ночь, волосы растрепались, на лице не было макияжа. Она выглядела как обычная женщина, а не как вице-директор по развитию, и это ей нравилось. Она вдруг поняла, что устала быть вице-директором. Устала от костюмов, от идеальной укладки, от маникюра, который нужно обновлять каждые две недели, от вечных переговоров, от инвесторов, которые смотрят на неё как на дорогую, но полезный актив. Она хотела быть просто Лерой. Женщиной, которая пьёт кефир на ночь, разговаривает с кактусами и ест вишнёвый пирог в пекарне у тёти Гали.

Она взяла телефон и набрала номер Кости. Тот ответил после второго гудка, и в его голосе слышалась лёгкая тревога – начальница никогда не звонила ему в такое время, если только не случилось что-то экстренное.

– Костя, – сказала Лера, и её голос звучал ровно и спокойно, но в нём не было привычной командирской нотки. – Я сегодня не приеду в офис. Скажите всем, что у меня... что я работаю из дома. И ещё: найдите, пожалуйста, адрес магазина, где работает Саша, ну, тот, который продаёт кефир, рядом с пекарней тёти Гали. Мне нужно... мне нужно кое-что купить.

На том конце провода повисла пауза. Костя, который вчера вечером вернулся домой и долго сидел на кухне, думая о том, что сказал ему Валера про маму, и который сегодня утром уже позвонил ей и сказал, что приедет в субботу, и мама так обрадовалась, что голос у неё дрожал, – этот Костя вдруг понял, что мир переворачивается. Лера Сергеевна, железная леди, которая не брала отгулов даже после операции, просит его найти адрес магазина, где продают кефир. Кефир. Ради кефира она пропускает работу. Или не ради кефира. Костя, который вчера пил чай в квартире Валеры и видел, как этот человек ставит кроссовки рядом и радуется этому, как ребёнок, вдруг почувствовал, что внутри него происходит что-то важное. Что-то, что он не мог объяснить словами, но что делало его легче, чище, лучше.

– Хорошо, Лера Сергеевна, – сказал он, и в его голосе не было удивления, только тихое понимание. – Я всё узнаю. И... и маме вашей привет. Я вчера своей позвонил. Она сказала, что давно ждала. Спасибо вам. Не за работу, а... в общем, спасибо.

Лера не поняла, за что он благодарит, но что-то в его голосе заставило её улыбнуться. Она отключила звонок, налила себе стакан кефира – того самого, вчерашнего, который купил Валера, – и сделала глоток. Кефир оказался густым, прохладным, с лёгкой кислинкой, которая напоминала вкус детства, когда она жила в маленьком городе, и бабушка покупала кефир на рынке у тёти Веры, и он всегда был таким – настоящим, живым, немножко пузырящимся. Она не пила такого кефира много лет. Она вообще перестала замечать, что ест и пьёт, потому что еда стала для неё топливом, а не удовольствием. А сейчас она сидела на кухне, пила кефир из тонкого стакана и чувствовала, как что-то тёплое разливается по телу, согревая не желудок, а что-то гораздо более глубокое, что она давно считала замороженным.

В два часа дня, когда солнце стояло в зените и город плавился в своём обычном ритме, Лера уже сидела в машине и ехала на Южную. Она знала, что Валера заканчивает работу в шесть, и у неё было четыре часа, чтобы придумать, как объяснить своё появление. Но она не хотела ничего придумывать. Она хотела приехать, потому что ей хотелось увидеть его. Увидеть, как он выходит из офиса, наверняка споткнувшись о порог, как он идёт по улице, разглядывая собак и улыбаясь прохожим, как заходит в пекарню к тёте Гале, чтобы купить батон, а потом к дядьке Саше – за кефиром. Она хотела быть частью этого ритуала. Не наблюдателем, не случайной прохожей, а частью. И это желание было таким сильным, что она перестала с ним бороться. Она просто приняла его, как принимают неизбежное, как принимают дождь, который идёт, когда ты уже вышел из дома без зонта.

Она припарковалась недалеко от офиса Валеры, который оказался старым двухэтажным зданием из красного кирпича с вывеской «Металлопрокат. Опт и розница». Здание выглядело так же, как и его сотрудник, – немного облупившимся, немного нелепым, но каким-то уютным, домашним. Лера сидела в машине и смотрела на дверь, из которой через четыре часа должен был появиться Валера, и чувствовала, как её губы сами собой растягиваются в улыбку. Она не помнила, когда в последний раз так улыбалась просто так, без причины. А причина была, и причина эта сейчас сидела где-то внутри этого здания, возможно, продавал металлопрокат или пил растворимый кофе, или обсуждал с коллегами, кто из них больше похож на динозавра.

Она ждала. И в этом ожидании не было ни капли скуки или нетерпения. Было тихое, спокойное счастье, которого она не знала раньше. Она смотрела на прохожих, на деревья, на облака, которые плыли по небу, меняя форму каждую минуту, и чувствовала себя частью этого мира, а не его правительницей. Она не контролировала ничего, и это было странно, но не страшно. Это было правильно. Как сказал Валера, иногда надо просто выйти пораньше, чтобы не пропустить что-то важное. Она вышла. И теперь ждала.

Ровно в шесть дверь офиса открылась, и из неё вышел Валера. Он был в той же серой кофте, что и вчера, и в своих любимых кроссовках, и в руках у него был пакет, который, судя по характерным очертаниям, уже содержал в себе батон. Лера хотела выйти из машины, окликнуть его, но замерла, потому что следом за Валерой из дверей появилась девушка. Молодая, с тёмными кудрявыми волосами, собранными в небрежный хвост, в джинсах и простой футболке. Она догнала Валеру и положила руку ему на плечо, что-то говоря, и Валера обернулся, и его лицо озарилось улыбкой. Он сказал что-то, и девушка засмеялась, и в этом смехе было что-то такое лёгкое, свободное, что Лера почувствовала, как внутри неё что-то сжалось. Она не знала, кто эта девушка. Коллега? Подруга? Но рука на плече, эта близость, эта лёгкость общения – всё это говорило о том, что Валера не одинок в этом мире. Что у него есть кто-то, кто заботится о нём, кто смеётся над его шутками, кто, возможно, тоже покупает ему батон и спрашивает, как дела у кактуса.

Лера вдруг почувствовала себя лишней. Она сидела в своей дорогой машине, в своём идеальном костюме, с идеальным маникюром, и смотрела на мир, в который ей не было входа. Мир, где люди разговаривают о динозаврах, где вороны ждут своих старушек, а кефир покупают у дядьки Саши, который иногда ошибается, но извиняется и даёт новый. Она не принадлежала этому миру. Она была из другого мира – мира стекла и бетона, мира контрактов и отчётов, мира, где никто не сравнивает себя с динозаврами, потому что динозавры вымерли, а они, люди из её мира, считают себя бессмертными. И ей вдруг стало так горько, так одиноко, что она закрыла глаза и прижалась лбом к рулю.

Она уже хотела завести машину и уехать, сделать вид, что ничего не было, что эта неделя была просто странным сном, который пора забыть, но в этот момент кто-то постучал в стекло. Она подняла голову и увидела Валеру. Он стоял рядом с её машиной, склонив голову набок, и смотрел на неё с беспокойством. Девушка с тёмными волосами стояла чуть поодаль, тоже глядя на машину, но в её взгляде не было любопытства, было что-то другое – понимание, что ли. Лера опустила стекло.

– Вы здесь! – воскликнул Валера, и его голос звучал так, будто он только что нашёл потерявшуюся вещь. – А я вышел, смотрю – ваша машина! Я узнал её! Она такая красивая, чёрная, блестящая. Я сразу подумал: это она! А вы почему не выходите? Я так обрадовался, когда увидел! Я сегодня думал о вас. Всё думал, позвоните вы или нет. У меня телефон заряжен, я его даже с собой ношу, а не оставляю на столе, как обычно. И вдруг – вы здесь! Это же чудо! Вы знаете, я сегодня с утра посмотрел на кактус, и он мне показался каким-то особенно зелёным. Я подумал: это хороший знак. И вот, вы здесь. А это Марина, – он указал на девушку, которая подошла ближе, – она со мной работает. Мы сегодня вместе батон покупали. Она сказала, что хочет попробовать тот самый батон, который я хвалю. Я ей рассказал, что вы вчера приезжали к тёте Гале, и она сказала, что это очень романтично. А что такое романтично? Я не совсем понял. Но она сказала, что я пойму потом. А вы не понимаете? Что значит романтично? Это

когда батон с кефиром? Или когда человек приезжает на другой конец города, чтобы купить хлеб? Я запутался.

Лера смотрела на него, и её горло сдавило спазмом. Она не знала, смеяться ей или плакать. Этот человек только что спас её от побега, только что разрушил все её стены одним своим присутствием, и теперь стоял и спрашивал, что такое романтично, глядя на неё своими серыми, чистыми глазами, в которых не было ни капли кокетства или расчёта. Он был таким настоящим, таким живым, таким... её.

Марина, девушка с тёмными волосами, шагнула вперёд и улыбнулась Лере. В её улыбке не было ревности или соперничества, была только дружелюбная теплота.

– Здравствуйте, – сказала она. – Так это вы та самая спасительница из цемента? Валера о вас только и говорит. Со вчерашнего дня только и слышно: «А она сказала... А она сделала... А у неё машина чёрная, блестящая, и салфетки она мне дала...» Я уж думала, выдумал. А вы настоящая. Приятно познакомиться. Я, пожалуй, пойду. Валера, ты как, сам дойдёшь? Или тебя подвезти?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.